

рии в том смысле, что она сплачивала разнородные части государства, нравственно на них воздействуя верованиями, и усиливала империализм богословским объединением, но за всем тем церковь на греческие умы освободительного влияния не оказывала. Худшее вырождение греческой мистики — монашество — задушало и народ, и само государство. Равным образом византийское богословие не может сослаться и на то, чтобы оно в эпоху Комненов оказывало влияние на поступательное развитие научного мышления, как то, наоборот, замечается в западной церкви в XII веке в лице деятелей в роде Ланфрана, Ансельма Кентерберийского, Петра Ломбардского и иных схоластиков. Отличающая греческую православную церковь неспособность повышать умственную жизнь путем борьбы между внутренними противоречиями неблагоприятно отразилась и на греческом государстве.

В летописях Ромейского царства нельзя даже отметить явлений, которые бы составляли эпоху на службе прогрессу за целый ряд столетий со времени Юстиниана, если не считать безуспешной реформационной попытки, сказавшейся в иконоборстве. Гражданство здесь не пробуждалось вовсе к новой жизни, как то происходило в городах на Западе. Византийские историографы изобразили историю империи от Зосимы до Францеса в длинном ряде творений, обнимающих целое тысячелетие, и ни единый из культурных народов, за исключением китайцев, не может похвалиться подобной полнотой исторической литературы. Но в общем, все эти летописцы рисуют утомительную в своем однообразии картину: горделивый, но за всем тем бедственный императорский двор в столице, дворцовые революции, пошлейшие церковные дрязги и, наконец, однообразную борьбу со славянами и турками, превратившуюся в хронический недуг. Иной из лаконичных монастырских летописцев в Англии, Франции, Германии и Испании порой отмечает на немногих безыскусственных листках события и намерения, несравненно более важные для судеб человека, чем то многословие, затканное блестящим золотом риторических прикрас, в каком расплываются летописцы империи Константиновых